

А.П.Назаретян

Психология стихийного массового поведения

Лекции

Толпа

Слухи

Сублиминальное воздействие

Что такое «черный Пи Ар»

Политические кампании

Коллективная паника

Массовая агрессия

Акоп Погосович Назаретян

Психология стихийного массового поведения

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123830

Психология стихийного массового поведения. Лекции: ПЕР СЭ; М.; 2001

ISBN 5-9292-0033-5

Аннотация

Как образуется агрессивная толпа и как ею манипулируют? Возможно ли противостоять массовой панике до и после того как она возникла? Каким образом распространяются слухи, как научиться их предупреждать и устранять? Что такое «грязные технологии» и «черный Пи Ар»?

Обсуждение этих и связанных с ними вопросов в лекциях сопровождается анализом большого числа конкретных примеров из научной, художественной литературы, а также многолетнего опыта практической работы автора в СССР, России и за рубежом.

Для студентов, изучающих социальную и политическую психологию, сотрудников консалтинговых, охранных фирм и МЧС, офицеров Российской армии, МВФ, МВД, ФСБ, активистов политических партий, а также для широкого круга читателей.

Содержание

Лекция 1	5
Лекция 2	20
Понятие толпы. Механизмы поведения толпы	20
Циркулярная реакция и коммуникация	24
Виды толпы	33
Основное свойство толпы	42
Приемы управления и манипуляции	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Акоп Погосович Назаретян
Психология
стихийного массового
поведения. Лекции

© А.П. Назаретян, 2001

© ПЕР СЭ, оригинал-макет, оформление, 2001

* * *

*Памяти моего учителя Юрия Александровича
Шерковина*

Лекция 1

Стихийное массовое поведение: понятие, социальный феномен и предмет исследования

Стихийное массовое поведение (англ. – *collective behavior*) – несколько расплывчатый термин социальной и политической психологии, которым обозначают различные формы поведения толпы, циркуляцию слухов, иногда также моду, коллективные мании, общественные движения и прочие «массовидные явления». Чтобы приблизительно очертить предметное поле, охватываемое этим понятием, выделим следующие признаки: *вовлеченность большого количества людей, одновременность, иррациональность* (ослабление сознательного контроля), а также *слабую структурированность*, т. е. размытость позиционно-ролевой структуры характерной для нормативных форм группового поведения.

Систематическое изучение таких феноменов началось во второй половине XIX века. В различных странах Западной Европы независимо сложились две научные школы: немецкая *психология народов* (М. Лацарус, Г. Штейнталь, В. Вундт) и франко-итальянская *психология масс* (Г. Лебон, Г. Тард, В. Парето, Ш. Сигеле).

Советские историки обычно указывали на то, что каждая из этих школ выполняла «социальный заказ», продиктованный положением политической элиты соответствующих стран. Например, быстро усиливающаяся германская буржуазия подросла на «пир империалистических хищников» (В.И. Ленин) к тому моменту, когда все блюда были уже распределены: мощная Германия не владела колониями, в отличие от слабеющих Франции, Испании или Португалии. Надвигалась эпоха борьбы за передел мира, и немецкие лингвисты и этнографы приступили к скрупулезному исследованию языков, культуры и мифологии первобытных народов, стремясь таким образом выявить их психологические особенности, национальный дух и «коллективное бессознательное». Само собой разумелись и, между делом, дополнительно доказывались превосходство европейского (в ряде случаев, конкретно нордического) духа и необходимость разумного управления «доисторическими» или просто «отсталыми» народами.

Французскую политическую элиту к тому времени гораздо больше волновало нараставшее в стране революционное движение; по выражению современного ученого С. Московичи, «революции и контрреволюции следовали одна за другой, и террору и разрушениям, казалось, не будет конца». Поэтому интерес ученых концентрировался на свойствах толпы, механизмах коллективной агрессии и т. д. Задачи состояли в том, чтобы, во-первых, доказать антисоциальную,

антигуманную и деструктивную сущность человеческой массы как таковой (в их текстах понятия «масса» и «толпа» еще синонимичны); во-вторых, обеспечить инструментарий для действенных манипуляций.

Такое (историко-материалистическое) объяснение содержания научных интересов справедливо лишь отчасти и в общем весьма односторонне. Нам же здесь важно не то, какой политической конъюнктуре отвечали первые исследования стихийного массового поведения, а то, что они обогатили наше знание о неосознаваемых мотивах и механизмах человеческих действий и заложили начало научных дисциплин, названных в последствии социальной и политической психологией. Хотя, надо признать, дальнейшее развитие этих дисциплин вышло далеко за рамки первоначального предмета, и в контексте современной науки психология стихийного массового поведения занимает периферийное, я бы даже сказал, экзотическое положение.

В России конца XIX – начала XX веков оригинальные исследования массовидных явлений проводили М.Г. Михайловский (*субъективная социология*), затем В.М. Бехтерев (*коллективная рефлексология*), А.Л. Чижевский (*гелиопсихология*). В частности, Чижевский впервые изучал влияние солнечной активности и ее колебаний на динамику массовых политических настроений. В 20-е годы были также получены интересные данные, касающиеся массового восприятия газетных сообщений (П.П. Блонский) и циркуляции слухов

(Я.М. Шариф). В начале 30-х годов А.Р. Лурия выявил национально-культурные особенности восприятия и мышления, причем, в отличие от немецких авторов, не с этноцентрических, а с эволюционных позиций.

Результаты работы Лурия удалось опубликовать лишь спустя 40 лет, но и тогда еще они во многом сохранили новизну. В 30-е же годы большая часть исследований в области социальной и политической психологии были сочтены неактуальными для социалистического общества и идеологически вредными. Особенно это касалось всего спонтанного, стихийного и слабо осознаваемого. Сами понятия «социология», «социальная психология» и тем более «политическая психология» были объявлены буржуазными извращениями. Если их предмет и сохранял какой-то интерес для властей, то только в плане исследования сплоченных трудовых коллективов, жестко иерархизированных и руководствующихся указаниями Партии.

Насколько мне известно, с конца 20-х по начало 70-х годов лишь несколько работ по интересующей нас тематике были опубликованы в СССР, причем в основном на грузинском языке, поскольку психологи Грузии, широко используя понятие установки Д.Н. Узнадзе, зарезервировали себе право рассуждать о неосознаваемых факторах человеческого поведения. В частности, в 1943 году по-грузински, а в 1967 году по-русски вышла большая и яркая статья А.С. Прангишвили о массовой панике. Я бы добавил к этому пе-

реводную книгу американского ученого П. Лайнбарджера о психологической войне (1962 год).

Между тем в Западной Европе и в США 20 – 60-е годы ознаменованы всплеском интереса ученых, политиков и военных к проблематике политической психологии вообще и к стихийному массовому поведению в особенности. За прошедшие десятилетия наука ушла далеко вперед, и в конце 60-х годов, когда советские психологи, пробиваясь не без потерь через заслон партийных философов и чиновников, смогли вновь добиться права на исследование этой проблематики, они уже чувствовали себя робкими учениками.

Впрочем, внутренняя робость камуфлировалась и отчасти психологически компенсировалась агрессивной риторикой развенчания «буржуазной лженауки», снисходительным признанием ее «рационального зерна» и требованиями водрузить ее на «истинно материалистическую основу». Многие ученые вполне сознательно использовали эту фразеологию как механизм «дуракоустойчивости» (foolproof) – защиты от наивных, а чаще прикидывающихся наивными редакторов, цензоров и партийных функционеров. Нынешним студентам и аспирантам приходится долго объяснять, что таковы были правила игры, взаимопритертый аппарат «ролевого поведения» во всем советском обществе и академическая литература – только вершина огромного айсберга. И меня радует, что все это им теперь так трудно понять...

Но имелись в Москве и такие учреждения – в рамках КГБ,

МВД, ЦК КПСС и, вероятно, Министерства обороны, – в которых для изучения массовидных явлений требовалось чуть меньше идеологического обрамления, поскольку эта работа предназначалась для конкретных инструментальных задач. Так, при Международном отделе ЦК КПСС существовал тогда еще сильно законспирированный Институт общественных наук (не путать с Академией общественных наук при Идеологическом отделе ЦК) для теоретической и практической подготовки зарубежных революционных кадров. В рамках этого института профессору Ю.А. Шерковину, психологу с большим опытом работы в области спецпропаганды (так в военной терминологии называется пропаганда на войска и население противника), удалось организовать исследовательскую и преподавательскую группу, которая в 1971 году преобразовалась в первую на территории СССР кафедру общественной психологии. В числе ее отцов-основателей были также Г.П. Предвечный, Г.Я. Туровер, В.Л. Артемьев, В.Б. Ольшанский, В.И. Фирсов и другие.

Характерен даже языковой трюк: выражение «социальная психология» оставалось еще одиозным для партийных функционеров, а «общественную психологию» удалось обнаружить в каком-то тексте Ленина. Один маститый профессор, прежде изо всех сил ругавший социальную психологию как буржуазную лженауку, стал теперь широковещательно доказывать, что в этом *принципиальном* терминологическом различии весь фокус: общественная психология – это уже наука

настоящая, марксистская, и отличие ее от социальной психологии аналогично отличию советской милиции от капиталистической полиции...

Но главное событие состоялось. Сведение о том, что в такой «авторитетной инстанции», как Международный отдел ЦК КПСС, дисциплина легализована, быстро распространилось по стране и стало импульсом для лавинообразного формирования соответствующих отделов в НИИ и кафедр с похожими названиями в вузах и партийных школах. Часто из-за отсутствия подготовленных специалистов в «социальные психологи» стали срочно переqualificироваться историки КПСС и уходящие на пенсию инструкторы обкомов¹. Почти неизбежные, особенно в нашей стране, издержки новой моды уже не могли омрачить успеха: началось возрождение советской (русской) социальной и политической психологии.

Специфика Института общественных наук определила тематику работы кафедры. Слушатели, сталкиваясь в своих странах с изощренными приемами манипуляции массовым поведением и политическими настроениями, нуждались в

¹ В 1979 году меня попросили выступить с лекцией на курсах повышения квалификации преподавателей социальной психологии областных партшкол. Я с удивлением обнаружил аудиторию из пятидесяти человек почти исключительно преклонного возраста со значками ветеранов войны и труда. На лекции они переспрашивали фамилии крупнейших зарубежных ученых (З. Фрейда и К. Левина), а после рассказали, как получили партийное задание преподавать новую дисциплину.

знании этих приемов и владении ими. Руководству института и кафедры удалось раздобыть через свои каналы разработки, выполненные для американских спецслужб, собрать зарубежную литературу по социальной и политической психологии и, главное, накопить, сконцентрировать и обобщить разнообразный практический опыт.

В итоге был подготовлен цельный курс, в котором изучались механизмы и закономерности поведения людей в толпе, заражения и распространения слухов, а также эффективные приемы управления соответствующими процессами и ведения политических кампаний. Курс преподавался на протяжении без малого 20 лет, пользовался неизменной популярностью у слушателей, последовательно корректировался и обогащался новым фактическим материалом. Его практические рекомендации применялись специалистами и слушателями кафедры на обширном географическом и политическом пространстве, от Европы и Африки до Латинской Америки, часто принося ощутимые результаты.

В 90-е годы курс психологии стихийного массового поведения изучался (отдельно или в рамках общего курса политической психологии) на психологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, в Российской академии государственной службы при Президенте РФ, в Московском Государственном лингвистическом университете и ряде других учебных заведений. Его содержание продолжало обогащаться анализом политических событий и результатами практи-

ческой работы в России и других странах СНГ. Лекционные занятия дополняются семинарами, участники которых анализируют предметные ситуации и самостоятельно находят продуктивные решения.

В известном смысле соавторами этого курса следует считать не только моего учителя, памяти которого посвящена книжка, но также моих слушателей в ИОН и ряде зарубежных школ, друзей, сопровождавших и опекавших меня в трудных, подчас небезопасных, но увлекательных командировках. Некоторые из них считались формально моими «учениками», но почти все они были старше и опытнее меня и становились по сути дела тактичными наставниками. Часть из рассказанных далее захватывающих эпизодов наблюдались и переживались мною при их непосредственном участии, другие эпизоды рассказаны с их слов и несут на себе отпечаток их эмоциональных впечатлений и их личностей. Конечно, не со всеми моими нынешними оценками событий они бы согласились, и здесь уже вся ответственность лежит только на мне...

Существенный вклад в содержание курса внесли и мои российские студенты и коллеги. Совместное участие и обсуждение практических ситуаций способствовало накоплению нового опыта и его концептуальной систематизации.

Несколько слов о названии курса, которое также несет на себе отпечаток атмосферы той эпохи, когда он начал разрабатываться. Теперь это выглядит забавно, но в 70-х годах

чуть ли не первое, с чем пришлось столкнуться – проблема перевода. К тому времени американцы полностью перехватили лидерство в этой области у немцев, французов и россиян и обозначили ее общеупотребительным термином «коллективное поведение». Но использование его по-русски, равно как и на других языках, в рамках «марксистской психологии» было немыслимо.

Дело в том, что понятие «коллектив» (и его производные: «коллективизм», «коллективистическое самоопределение» и т. д.) было идеологически ангажированным, чтобы не сказать – священным. Под коллективом понималась максимально сплоченная группа, объединенная общностью благородной и *социально прогрессивной* (это было непременным условием!) цели и сознательностью устремлений. Соответственно, коллективизмом называли особое качество личности в социалистическом обществе, противоположное конформизму и нонконформизму, характерным для общества капиталистического.

Надо добавить, что советские граждане, с детства приученные к подобным идеологическим штампам, чаще всего либо не замечали их, либо относились с заслуженной иронией. Иначе обстояло дело с иностранными революционерами. Как правило, это были люди сильные, по-своему опытные, много пережившие и преданные идее. Лекции о коллективе и коллективизме они слушали с горящими глазами, такие категории воплощали образ светлого будущего, ради которого

они боролись, переносили испытания и в котором находили опорные жизненные смыслы.

Трогательная любовь к советским людям – сознательным коллективистам – принимала подчас курьезные формы. Столкнувшись с каким-нибудь безобразием (от которых, впрочем, слушателей ИОН в Союзе всячески оберегали), взрослый человек мог, например, вполне серьезно задать такой вопрос: «Тот, кто украл в гардеробе пальто у нашего товарища, – наверное, не коллективист?»

А один случай запомнился мне на всю жизнь. В начале 80-х годов мы находились с группой слушателей и переводчиков в областном украинском городе, под бдительной опекой обкома партии (эта форма работы называлась «практикой по изучению советской действительности»). И вот два местных юнца, напрочь лишенные опыта и интуиции и вооруженные чуть ли не кухонными ножами, вздумали ограбить иностранца, зашедшего в ресторанный туалет.

Более неудачный объект они не могли придумать. Это был суровый никарагуанский партизан, не имевший при себе никакой валюты, зато профессионально владевший приемами ближнего боя и убивавший противника ударом кулака. Добавлю, что перед этим он прослушал в ИОН курс «марксистской социальной психологии».

Поняв, что в туалете происходит что-то неладное (оттуда, задев меня плечом, стремглав выскочил

перепуганный парень), я бросился к месту события, боясь даже вообразить, что там увижу; за мной бежали другие слушатели, инструкторы обкома и «товарищи в штатском». Вместо ожидавшейся «горы трупов» мы увидели совершенно замечательную картину. Кряжистый никарагуанец держал подмышкой голову одного из незадачливых грабителей – длинноногого мальчишки, склонившегося в три погибели – и, ласково (!) постукивая его кулаком по скуле, приговаривал по-испански: «Товарищ – не коллективист, а советскому юноше следует быть коллективистом...»

Когда мальчика, который дрожал от страха и от полного непонимания происходящего, вынули из нежных, но цепких объятий, никарагуанец попросил выяснить, понял ли советский товарищ свою ошибку и станет ли он в дальнейшем коллективистом. Сдерживаясь из последних сил, чтобы истерически не расхохотаться, я перевел вопрос. Парень по-прежнему ничего не понимал, но уже был готов на все и клятвенно пообещал «стать коллективистом». После чего, кажется, был отпущен восвояси, поскольку всем участникам и свидетелям этого события было невыгодно фиксировать его документально.

Я привел этот забавный эпизод, чтобы пояснить, почему термин «коллективное поведение» для действий, скажем, агрессивной, стяжательной или панической толпы был в наших условиях совершенно неприемлем. В одном из учебных пособий тех лет даже использовался термин «внеколлектив-

ное поведение», но такой антиперевод выглядел совсем уж нелепо, с чем согласились и сами авторы. В конце концов, после долгих обсуждений был принят термин «стихийное массовое поведение» (spontaneous mass behavior), который далее и использовался, иногда с изменением последовательности слов.

Предваряя предметное изучение темы, выскажу одно общеметодологическое соображение.

В обыденном представлении хаос, беспорядок – это и отсутствие закономерностей, и неуправляемость. Между тем сегодня ученые на разнообразном материале показали, что все не столь однозначно. Хаос и порядок относительны, хаос всегда по-своему детерминирован и чем хаотичнее система, тем более простым закономерностям она подчиняется. И тем легче ею управлять – разумеется, коль скоро задача управления достаточно элементарна.

Иллюзия неуправляемости возникает тогда, когда мы с простой системой пытаемся обращаться, как со сложной, и наши воздействия оказываются бесполезными. Завзятому горожанину трудно понять, как деревенский пастух управляет большим стадом. Государственный деятель растеряется, если ему доверить детсадовскую группу, с которой привычно справляется опытная воспитательница. Академик, умело руководящий научным коллективом, окажется беспомощным в компании бомжей, а если он не врач-психиатр, то любой санитар даст ему сто очков вперед в умении работать с соот-

ветствующим «контингентом» больных. Повторю: простой и глупой системой управлять легче (этому меньше надо учиться), чем сложной и умной, для этого требуются более простые приемы, которыми, однако, тоже нужно владеть.

Сказанное имеет прямое отношение к нашему предмету. В толпе «человек опускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации» (Г. Лебон) и становится доступен для элементарных манипулятивных воздействий. Поведение толпы или циркулирующий слух кажутся процессами лишенными закономерностей и нерегулируемыми постольку, поскольку большинство из нас привыкли иметь дело с организованными группами, где уместны рациональные доводы, согласование мнений или хотя бы формальный приказ. В стихийном массовом поведении реализуются более примитивные механизмы и закономерности. Кто знает о них и обладает необходимыми навыками, способен управлять событиями. Цели, которые он при этом преследует, достаточно часто оказываются деструктивными. Но, как всякое оружие, политические технологии амбивалентны, и владение приемами регуляции стихийных процессов конструктивно необходимы сегодня во многих профессиях.

Это относится, конечно, не только к экстремальным ситуациям, но ко всей общественной жизни. В комплексе задач политической психологии: *объяснительная, прогностическая, проективная, инструментальная и воспитательная* – я всегда придаю последней основное значение. Чем лучше

мы знаем о механизмах своего поведения, в том числе иррациональных, и о приемах манипулирования, тем труднее нами манипулировать. И чем больше людей знакомы с азами политической психологии, тем устойчивее общество...

Лекция 2

Толпа и закономерности ее поведения

*Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.
Тилемахида*

Понятие толпы. Механизмы поведения толпы

В обыденном языке «толпой» называют большое количество людей, находящихся одновременно в одном месте. Хотя даже интуитивно мы не назовем этим словом марширующее армейское подразделение или бойцов, организовано штурмующих (равно как и обороняющих) укрепленный пункт, публику, собравшуюся в консерватории на симфонический концерт, бригады, работающие на крупной стройке, сотрудников учреждения на плановом профсоюзном собрании и т. д. и т. п.

Терминологически не совсем верно называть толпой и прохожих на людной городской улице. Но вот на улице произошло что-то необычное. Неожиданно появились скомоорохи или артисты выступают с представлением. Или, как

бывало в добрые советские времена, на уличный прилавок «выбросили» дефицитный товар. Или человек выпал из окна и разбился. Или пошел сильный ливень. Или – не приведи господь – началась бандитская разборка со стрельбой, произошел мощный взрыв... Если ситуация развивается по какому-то из подобных сценариев, завлекательных, драматических и даже катастрофических, может возникнуть особый социально-психологический феномен, который, при всем многообразии его форм, имеет общие черты, отличающие толпу от организованных форм социального поведения.

Исходя из этих предварительных соображений, примем ориентировочное исходное определение. Толпа — *скопление людей, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием.*

При этом *общей* считается такая цель, достижение которой каждым из участников взаимодействия положительно зависит от достижения ее другими участниками; наличие такой цели создает предпосылку для сотрудничества. Если цель каждого достигается вне зависимости от достижения или недостижения ее остальными, то взаимодействие отсутствует или оно минимально (при появлении второстепенной общности целей: например, веселее провести время в ожидании). Наконец, если зависимость достижения одной и той же цели субъектами отрицательна, складывается предпосылка для конфликта.

В толпе цели людей всегда одинаковые, но обычно не бывают сознательно общими, а при их пересечении возникает острейшее отрицательное взаимодействие. Например, при массовой панике каждый страстно желает спастись, в стяжательной толпе каждый стремится что-то приобрести, и все друг для друга являются помехой.

Поэтому, используя социологические категории *агрегата* (неструктурированного множества индивидов) и *группы* (единого субъекта деятельности), толпу следует отнести к первой категории. Но, разумеется, различие между ними не дискретно. При некоторых условиях люди, отличающиеся от остальных определенными чертами (этнос, сословие и т. д.) способны осознать единство интересов и объединиться в историческую или политическую общность; наоборот, слаженно действующий социальный субъект может раствориться в большем социуме.

В нашем случае, толпа иногда (в редких случаях) способна структурироваться и приобрести групповое качество, а организованная группа (чаще) – деградировать в толпу. Иногда ситуативная общность сочетает в себе настолько разнородные свойства, что не может быть однозначно отнесена к той или иной категории и занимает на шкале «группа – агрегат» промежуточное положение. Например, очень хорошо организованная массовая демонстрация (вспомним советские праздничные шествия по Красной площади) несет в себе в равной мере признаки группы и толпы. Перерождения

группы в толпу и обратно также относятся к сфере нашего интереса...

Соотношением системных и гregarных качеств (от греч. *gregus* — стадо) во многом определяется и решение старого спора между социальными психологами о том, группа или индивид склонны к более экстремальным решениям. Пока в группе преобладают нормативные отношения, она сглаживает экстремистские настроения своих членов и принимает более взвешенные решения; когда же начинают преобладать свойства толпы, мышление радикализируется.

По свидетельству С. Московичи, еще древнегреческий политик Солон утверждал, что каждый афинянин – хитрая лисица, а народное собрание в Пниксе – стадо баранов. Это подтвердили и римляне: *Senatores omnes boni viri, senatus romanus mala bestia* (все сенаторы мужи достойные, а римский сенат – злобный зверь). Г. Лебон указывал на то, что парламенты часто превращаются в толпу, и мы до сих пор наблюдаем подобное по телевизору. Русская поговорка: «Мужик умен, да мир дурак» – передает ту же мысль о потере личностью в массе здравого смысла.

Циркулярная реакция и коммуникация

Метаморфоза обуславливается специфическими эффектами, которые суть механизмы образования толпы. Выявлены два основных механизма: *слухи* и *эмоциональное кружение* (синоним – *циркулярная реакция*). О слухах речь далее пойдет отдельно (Лекция 4–5), поэтому здесь рассмотрим механизм эмоционального кружения.

Представьте себе полный зал, где рассказан очень смешной анекдот и все громко смеются. Вы только что вошли и не слышали шутку, однако общее настроение захватывает и вы от души смеетесь вместе со всеми. Это самый простой и безобидный пример взаимного заражения, который и называют циркулярной реакцией.

Впрочем, даже заразительное веселье не всегда бывает совершенно безобидным. У театральных актеров бытует жаргонное выражение: «повело». Оно означает такую неприятную ситуацию, когда в самый драматический момент спектакля кому-то из участвующих в сцене «попала в глаз смешинка». Актер «прыскает от смеха», это совершенно неуместное состояние передается партнерам – и сценическое действие разрушается...

Есть и более страшные примеры. В XIV веке

Европу охватила «черная смерть» – эпидемия чумы, унесшая более 20 миллионов жизней. Основным способом лечения оставались, как водится, истовая молитва, покаяние, целование креста и скрупулезное отправление всех церковных обрядов. В разгар этого бедствия наступил праздник Святого Витта, который всегда сопровождался массовыми пирами и танцами. Особенно бурно празднество отмечали в Италии. Изможденные и отчаявшиеся люди, напившись вина, принимались ритмически плясать, доводили себя до истерического состояния и, уже не в силах остановиться, падали замертво. Зловещее и заразительное веселье передавалось от одного городского района к другому, от деревни к деревне, оставляя за собой бездыханные человеческие тела.

Картина X. Бидструпа «Распространение заразы».

Этот кошмарный эпизод, зафиксированный летописцами, получил отражение в художественной литературе (наиболее известна россиянам пушкинская пьеса «Пир во время чумы»), а также в современной психологической и медицинской терминологии,

где «пляска Святого Витта» означает известный клинический симптом...

В фильме по роману А.С. Серафимовича «Железный поток» хорошо исполнен похожий эпизод, правда, в незавершенном виде. Красные партизаны с обозом мирного населения – стариками, женщинами и детьми – скитаются по пустыне, спасаясь от белых. Оголодавшие и сильно изможденные люди останавливаются на привал. Кто-то заводит патефон и ставит пластинку, на которой два артиста, почти ничего не говоря, громко и заразительно хохочут. Сидящие и лежащие вокруг начинают улыбаться, затем смеяться, веселье передается дальше... В этот момент появляется умный суровый комиссар и ударом сапога разбивает пластинку вместе с патефоном. Зрителям понятно, что, если бы он этого своевременно не сделал, то ситуация вышла бы из-под контроля: истерически хохочущие люди, не будучи уже способны остановиться, окончательно выбились бы из сил...

Итак, *циркулярная реакция* – это взаимное заражение, т. е. передача эмоционального состояния на психофизиологическом уровне контакта между организмами. Разумеется, циркулировать может не только веселье, но и, например, скука (если кто-то начинает зевать, такое же желание испытывают окружающие), а также изначально более зловещие эмоции: страх, ярость и т. д.

Для лучшего понимания того, что такое циркулярная ре-

акция, целесообразно сравнить ее с *коммуникацией* — контактом между людьми на семантическом уровне. При коммуникации имеет место та или иная степень взаимного понимания, интерпретации текста, участники процесса приходят или не приходят к согласию, но в любом случае каждый остается самостоятельной личностью. Человеческая индивидуальность формируется в коммуникационных связях и во многом зависит от многообразия смысловых каналов, в которые человек включен.

Наоборот, эмоциональное кружение стирает индивидуальные различия. Ситуативно снижается роль личностного опыта, индивидуальной и ролевой идентификации, здравого смысла. Индивид чувствует и поведенчески реагирует «как все». Происходит *эволюционная регрессия*: актуализуются низшие, исторически более примитивные пласты психики².

«Сознательная личность исчезает, — писал по этому поводу Г. Лебон, — причем чувства всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимает одно и то же направление». Поэтому «в толпе может происходить только

² Обсуждая примеры эволюционной регрессии у животных, выдающийся зоопсихолог К. Лоренц рассказал об эксперименте, который очень богат социологическими коннотациями. Экспериментатор удалил передний мозг рыбы, принадлежавшей к виду речных гальянов. Возвращенная в стаю особь почти не чем не отличалась от остальных, но перестала реагировать на поведение сородичей. Она двигалась, повинаясь только внутренним импульсам — «и, представьте себе, вся стая плыла следом. Искалеченное животное как раз из-за своего дефекта стало несомненным лидером».

накопление глупости, а не ума». То же наблюдение можно встретить в трудах других исследователей. Например, у З. Фрейда читаем: «Похоже, достаточно оказаться вместе большой массе, огромному множеству людей для того, чтобы все моральные достижения составляющих их индивидов тотчас рассеялись, а на их месте остались лишь самые примитивные, самые древние, самые грубые психологические установки».

У человека, охваченного эмоциональным кружением, повышается восприимчивость к импульсам, источник которых находится внутри толпы и резонирует с доминирующим состоянием, и одновременно снижается восприимчивость к импульсам извне. Соответственно усиливаются барьеры против всякого рационального довода. Поэтому в такой момент попытка воздействовать на массу логическими аргументами может оказаться несвоевременной и просто опасной. Здесь необходимы другие приемы, адекватные ситуации, и если вы ими не владеете, то лучше держаться от толпы подальше.

Добавлю, что циркулярная реакция, как всякое социальный и психологический феномен, не является однозначно негативным фактором. Она сопровождает любое массовое мероприятие и групповое действие: совместный просмотр спектакля и даже фильма, дружеское застолье, боевую атаку (с криками «Ура!», воинственным визгом и прочими атрибутами), деловое или партийное собрание и т. д. и т. п. В жизне-

деятельности первобытных племен процессы взаимного заражения перед сражением или охотой выполняли важнейшую роль. До тех пор, пока эмоциональное кружение остается в рамках определенной, оптимальной для каждого конкретного случая меры, оно служит сплочению и мобилизации и способствует усилению интегральной эффективности группы (психологи называют это *фасцинацией*). Но, превысив оптимальную меру, этот фактор оборачивается противоположными эффектами. Группа вырождается в толпу, которая становится все менее управляемой при помощи нормативных механизмов и вместе с тем все легче подверженной иррациональным манипуляциям.

И последнее. Вероятность возникновения циркулярной реакции возрастает в периоды социальной напряженности. Логично было бы полагать, что напряженность, в свою очередь, возникает тогда, когда обстановка объективно становится очень плохой. Однако исследования историков и психологов показывают, что это не всегда так и даже чаще всего не так.

Еще великий французский ученый XIX века А. де Токвиль указал на то, что революционному кризису обычно предшествует длительный период повышения экономических и политических показателей (объем политических свобод, доступ к информации, перспектива вертикальной мобильности и т. д.). Например, уровень жизни французских крестьян и ремесленников перед началом Великой француз-

ской революции был самым высоким в Европе; к началу антиколониальной революции в Северной Америке это были самые богатые и хорошо управляемые колонии мира и т. д.

Параллельно росту возможностей растут потребности и ожидания людей. В какой-то момент рост объективных показателей сменяется их относительным снижением (очень часто – вследствие неудачной войны, затеянной правителями, которые также поддались общей эйфории). На фоне ожиданий, продолжающих по инерции расти, это оборачивается массовой фрустрацией, а та, в свою очередь, агрессивными и (или) паническими настроениями.

Обобщив многообразные сведения, касающиеся предистории революционных ситуаций, американский психолог Дж. Девис вывел интегральный график, который обладает серьезным прогностическим потенциалом. Мы много работали с графиком Девиса, верифицировав его на материале далеких друг от друга стран и регионов, включая Россию различных эпох. Общий вывод довольно парадоксален, но подкреплен большим фактическим материалом. Пока люди живут стабильно плохо (с точки зрения внешнего наблюдателя), они не испытывают болезненной неудовлетворенности и вероятность внутренних взрывов минимальна. Опасность появляется там, где есть растущие ожидания. Нами даже выявлен особый социально-политический синдром Предкризисного человека (*Homo prae-crisimos*), который требует особого внимания со стороны ответственных политических лиде-

ров.

Кого эти вопросы интересуют подробнее, может обратиться к статье Девиса (Davis J.) или к моим работам, также обозначенным в списке дополнительной литературы. Здесь же вернемся к обстановке, когда возможности превентивной политической стабилизации уже упущены и социальная напряженность налицо. Многие люди переживают сходные эмоциональные состояния при высокой степени неопределенности и думают об одном и том же, охотно группируются, обсуждают волнующую тему, лихорадочно ищут информацию, распространяют слухи – и это чревато взаимной эмоциональной индукцией, переходящей в стихийные формы массового поведения. Опытные политические партии и руководители организуют в такой период дежурство небольших групп агентов, по два-три человека. Разумеется, у них нет никаких опознавательных знаков (наоборот, они должны максимально походить на случайных прохожих, «людей из толпы»), зато есть определенный опыт, знания, интуиция, решительность и, желательно, некоторый минимум актерских способностей, чтобы в нужный момент эффективно вмешаться в ход событий и предотвратить их неблагоприятное развитие.

Как же могут действовать такие агенты? Это мы рассмотрим после того, как ознакомимся с классификацией, а также с основным свойством толпы.

Виды толпы

Большое количество наблюдений и специальных исследований позволили выделить четыре основных вида толпы с соответствующими подвидами.

Окказиональная толпа (от англ. *occasion* – случайность) – скопление людей, собравшихся поглазеть на неожиданное происшествие. Это самая обыденная из ситуаций стихийного массового поведения, которую доводилось в жизни наблюдать любому взрослому человеку, горожанину или жителю села. Тем не менее приведу пару иллюстраций.

Мои латиноамериканские слушатели любили рассказывать по этому поводу забавный старый анекдот. В американском городе сидит на скамейке мексиканец с удочкой, хотя поблизости нет никакого водоема, и сосредоточенно «ловит рыбу» на суше. Вокруг собираются зеваки, указывают на него пальцами и веселятся. Наконец, один из янки спрашивает:

– Эй, чикано (презрительное наименование мексиканцев в США), много рыбы наловил?

– Ни одной, – серьезно отвечает мексиканец, – да мне и не надо. Я не рыбу ловлю, а выигрываю пари.

– ???

– Мы с земляками поспорили, где больше дураков, в Мексике или в Штатах. Провели эксперимент дома,

а теперь проводим здесь. Вон на той скамейке сидят ребята и вас пересчитывают...

А один из маленьких шедевров выдающегося американского юмориста О' Генри так и называется – «Комедия любопытства». Персонажи новеллы – юноша и девушка, представители бесчисленного племени уличных зевак, более всего на свете обожающих созерцать чье-то несчастье. «Эти фанатики любопытства, словно мухи, целым роем слетаются на место всякого необычайного происшествия и, затаив дыхание, проталкиваются как можно ближе», – отмечает писатель.

Познакомившись в одной из таких толп и понравившись друг другу, молодые люди решили пожениться. В час свадьбы около церкви скопилась очередная толпа любопытных, но героев торжества на месте не было. Потом выяснилось, что и у жениха и у невесты в самый неподходящий момент сработали условные рефлексы: узрев толпу, каждый из них привычно бросился в гущу, расталкивая окружающих, чтобы пробиться в первые ряды. В итоге свадебные наряды и прически были изрядно попорчены, под глазом у невесты появился синяк – короче, мероприятие пришлось отменить...

По данным кросс-культурных исследований, склонность к образованию окказиональных толп зависит не только от текущей социально-политической ситуации, но и от целого

ряда стабильных факторов, среди которых – степень укорененности урбанистической культуры. Я был совсем ребенком, когда, после Московского фестиваля молодежи и студентов (1957 год), начал приподниматься «железный занавес»; на улицах нестоличных советских городов появились первые живые иностранцы, каковых старшие не видели со времен войны, а дети знали об их существовании только из книжек. Иностранцев тогда можно было легко отличить от наших соотечественников по одежде, но особой популярностью пользовались негры.

Мне отчетливо запомнились сценки из жизни тех лет. Идет по улице темнокожий парень, а за ним – толпа взрослых и детей. Все очень доброжелательно настроены, кто-то предлагает ему в подарок значок, кто-то просит на память иностранную монетку, кто-то просит вместе сфотографироваться. Объект внимания все более раздражается и постепенно начинает звереть (а вы представьте себя на его месте!), что-то говорит на непонятном языке, но по всему видно, что он сильно раздражен. Окружающие недоумевают, чем же не угодили зарубежному другу, потом слышатся разочарованные комментарии типа: «Какие же они все гордые (злые, заносчивые)...»

Нечто подобное можно встретить и в художественной литературе тех лет. Случившаяся с человеком неприятность привлекает прохожих, которые ничуть не стесняются собрататься вокруг и громко выражать сочувственное любопыт-

ство.

Как всегда, наши достоинства суть продолжение наших недостатков и наоборот. С развитием урбанистической культуры изменяются ценности и нормы поведения, люди становятся зацикленными на индивидуальных проблемах, менее отзывчивыми и, вместе с тем, менее навязчивыми. В 60-е годы дефилирование по улицам Лондона полностью обнаженных девиц не вызывало особого ажиотажа, а в Анкаре появление нескольких иностранок в миниюбках стало событием чуть ли не политического значения (о чем я далее расскажу).

Конвенциональная толпа (от англ. *convention* — условность) собирается по поводу заранее объявленного события: петушиные или собачьи бои, боксерский или футбольный матч, митинг, концерт рок группы и т. д. и т. п. Здесь уже преобладает более направленный интерес, и люди до поры (пока толпа сохраняет качество конвенциональности) готовы следовать определенным условностям (конвенциям).

Сразу отмечу, что не следует путать конвенциональную толпу с *публикой*, собравшейся в драматическом, оперном театре, в консерватории и проч. Терминологическое различие вызвано, конечно, не тем, что психологи любят классику больше, чем рок – оно важно по существу и в функциональном отношении.

На концерт, скажем, симфонического оркестра и рока люди приходят с разными установками, различны сценарии ве-

роятного развития событий и организаторы по-разному к ним готовятся.

Конечно, если во время симфонического концерта в здании начнется сильный пожар или взорвется заложенная террористами бомба, может возникнуть массовая паника. Но такая вероятность обычно невелика, и свести ее к нулю – задача пожарной и охранной служб. Организаторы же рок-концерта обязаны учитывать, что имеют дело с толпой, которая формируется как конвенциональная, но, в силу общего свойства толпы как таковой (см. далее), непременно примет другие формы. Они должны уметь это прогнозировать и владеть адекватными приемами воздействия, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Экспрессивная толпа (от англ. *expression* — выражение), ритмически выражающая ту или иную эмоцию: радость, энтузиазм, возмущение и т. д. Как видим, спектр эмоциональных доминант здесь очень широк, а главная отличительная черта – ритмичность выражения.

Легко догадаться, что речь идет о людях, скандирующих лозунг на митинге или манифестации, громко поддерживающих любимую команду или клеймящих судью на стадионе, танцующих на карнавале и т. д. В ряде случаев процесс ритмического выражения эмоций может принять особенно интенсивную форму, и тогда возникает особый феномен массового экстаза.

Экстатическая толпа (от англ. *ecstasy* — экстаз) — экстремальная форма экспрессивной толпы. В экстазе люди самозабвенно истязают себя цепями на шиитском религиозном празднике «шахсей-вахсей», доводят себя до невменяемости под нарастающий ритм неистового моления в секте трясунгов или в танце на бразильском карнавале, рвут на себе одежду в ритме рока... Смертоносная пляска Святого Витта в Италии XIV века (см. выше) — из того же феноменологического ряда.

Действующая (active) толпа — политически наиболее значимый и опасный вид коллективного поведения. В ее рамках, в свою очередь, можно выделить несколько подвигов.

Агрессивная (aggressive) толпа, эмоциональная доминанта которой (ярость, злоба), равно как направленность действий, прозрачно выражены в названии.

Паническая (panic; saving) толпа объята ужасом, стремлением каждого избежать реальной или воображаемой опасности. Далее мы убедимся, что паническое поведение не только не является обычно спасительным, но и очень часто становится более опасным фактором, чем то, что ее спровоцировало.

Стяжательная (greedy) толпа — люди, вступившие в неорганизованный конфликт за обладание некоторой ценностью. Этот термин, в отличие от предыдущих, требует по-

яснений. Доминирующей эмоцией здесь обычно становится жадность, жажда обладания, к которой иногда примешивается страх. Стяжательную толпу подчас образуют брокеры, когда на бирже пронесся слух о том, что какие-то акции быстро растут в цене. В советских городах, особенно провинциальных, возникали такие толпы («Дают!»), когда на прилавок «выбрасывали» дефицитный товар. В парламентах наблюдается нечто подобное, когда депутаты с боем прорываются к трибуне, дабы высказать очередную высокоумную банальность.

Однако слово «стяжательная» (жадная) не всегда следует понимать буквально. Это может быть толпа голодных людей, которым доставили продовольствие, но не организовали четкое распределение. Или жителей отдаленного района, которые утром спешат на работу при недостаточном обеспечении автобусного маршрута машинами. Или потенциальных пассажиров отъезжающей электрички, в которой явно не хватит мест и т. д.

Повстанческая (rebellious) толпа по ряду признаков сходна с агрессивной (преобладает чувство злости), но отличается от нее социально справедливым характером возмущения. Это также требует пояснений, поскольку понятие «социальная справедливость» выглядит здесь произвольным и не укладывающимся в операциональную схему. В действительности, однако, дифференциация повстанческой и агрессивной толпы столь же функционально полезна, как диффе-

ренциация конвенциональной толпы и публики.

Дело в том, что толпа справедливо возмущенных людей даже внешне выглядит иначе, чем «классическая» агрессивная толпа. А главное, она обладает несколько иными качествами. При наличии активного сознательного звена в нее может быть внесено организационное начало, и тогда повстанческая толпа превращается в сплоченную группу (в противном случае она может выродиться в более примитивную форму толпы). Хрестоматийным примером часто служит восстание на броненосце «Потемкин» в 1905 году, но можно обратиться и к более свежим примерам. Кому пришлось наблюдать стихийный протест, забастовки, митинги в рабочих коллективах (в частности, забастовки шахтеров в России 1998 года), мог заметить, что они чаще всего не выливаются в массовые драки, погромы и прочие разрушительные действия. Профсоюзные комитеты выделяют ответственных лидеров, которым удается внести сознательную организацию в действия массы...

Представим классификацию в виде простой схемы.

Виды толпы

1. Оказиональная

2. Конвенциональная

3. Экспрессивная

3-а. Экстатическая

4. Действующая

4-а. Агрессивная

4-б. Паническая

4-в. Стяжательная

4-г. Повстанческая

Основное свойство толпы

Особое внимание обратим на то, что приведенная классификация весьма условна. В практическом плане наиболее важное свойство толпы – *превращаемость: коль скоро толпа образовалась, она способна сравнительно легко превращаться из одного вида (подвида) в другой.*

Превращения могут происходить спонтанно, т. е. без чье-либо сознательного намерения, но могут быть спровоцированы умышленно. *На использовании свойства превращаемости и строятся по большей части приемы манипуляции толпой с теми или иными целями.*

Самый элементарный пример спонтанных превращений вспомнит всякий, кто бывал на футбольном матче. С началом игры конвенциональная толпа превращается в экспрессивную, и важнейшая задача организаторов – принять все необходимые меры, чтобы по ходу дела или по окончании матча предотвратить ее превращение в агрессивную, в стязательную (когда тысячи возбужденных болельщиков одновременно устремляются к единственному выходу) или в паническую (спровоцированную дракой, пожаром, стрельбой и т. д.).

В 1982 году в «Лужниках» популярная московская

команда встречалась с зарубежным клубом. Результат был очень важным, но игра протекала довольно вяло. Зрители теряли интерес и, главное, надежду на то, что решающий гол их любимцами будет забит. Уже за 15–20 минут до конца люди начали покидать трибуны, некоторые успели выйти за ворота, другие находились на пути к выходу. И вдруг, на последней минуте матча, долгожданный гол был-таки забит, вызвав бурную реакцию болельщиков. Успевшие покинуть стадион бросились обратно, чтобы принять участие в общем ликовании, и столкнулись в узком проходе с теми, кто, под давлением задних рядов, по инерции продолжал двигаться к выходу. Это обернулось трагедией: десятки людей были задавлены насмерть...

В 1974 году на другом, на сей раз крытом стадионе превращения происходили по несколько иному, но столь же трагическому сценарию. Шел товарищеский матч по хоккею между сборными молодежными командами СССР и Канады, причем один сектор на трибуне был полностью предоставлен канадским туристам. Советские и канадские болельщики реагировали дружелюбно, обменивались между собой веселыми и громкими, но односложными (проблема языка) комментариями.

Когда встреча уже приближалась к концу, из канадского сектора к советским секторам полетели красивые упаковки жвачки. Надо сказать, что жвачка, в то время считавшаяся атрибутом «буржуазного образа жизни», в нашей стране не производилась и

не продавалась. Хотя москвичи уже хорошо знали о существовании этой «развращающей» продукции, кое-кому удавалось привезти по несколько брикетов из зарубежной командировки, выпросить у иностранца или подпольно купить у фарцовщика, а для детей это был самый желанный и труднодоступный подарок.

Канадцы наверняка знали о высокой ценности дешевой жвачки для советских обывателей. Были их действия жестом дружелюбия или намеренной провокацией, осталось неясным (да, похоже, никто и не пытался это выяснить). Но последовавшие события оказались позорными и страшными.

Наши болельщики, забыв о хоккее, устроили кучумалу в отчаянной борьбе за каждый долетевший до них брикет. Тут же над головами канадцев засверкали фотоаппараты (снимки «русских дикарей за железным занавесом», отчаянно сражающихся за упаковки жвачки, обошли потом западные газеты). Администраторы стадиона, в ужасе от происходящего, не нашли ничего лучшего, как полностью вырубить освещение в зале. Испуг от внезапной кромешной тьмы стал импульсом для превращения стяжательной толпы в паническую. В возникшей давке погибли люди, многие получили увечья...

Такой сценарий превращений толпы (конвенциональная – экспрессивная – стяжательная – паническая) вообще очень типичен. Вспомним два хрестоматийных примера из российской истории.

18 мая 1896 года, в день коронации Николая II, на Ходынском поле (в районе нынешнего Ленинградского проспекта Москвы) собралось более 500000 человек, что значительно превысило вместимость площади. Устроители же народного гуляния не удосужились принять подобающих мер по предотвращению давки.

Люди были празднично настроены; их побудили прийти к назначенному месту не только желание приобщиться к знаменательному событию и участвовать в общем веселье, но и надежда на получение царских подарков. И всего-то раздавали по пакету пряников и по кружке с вензелем. Но толпа есть толпа, в ней все чувства обострены и «сладкое слово “халява”» тоже звучит с особенной притягательностью. Чей-то крик: «Подарков всем не хватит!» – стал сигналом к превращению толпы из конвенциональной в стяжательную.

Вскоре усилившаяся давка заставила почувствовать неладное. Кто-то попытался остановить опасный процесс, запев «Спаси, Господи, люди твоя». Песня была подхвачена, но, вероятно, ее ритм оказался не вполне адекватен ситуации (см. далее). Во всяком случае, коллективное пение лишь на время замедлило давление, продолжавшее по инерции усиливаться. Обезумевшие от страха люди топтали попадавших под ноги, теряли сознание и гибли в тесноте.

Только по официальным данным в панике погибли 1389 человек и 1300 получили увечья. Современники называли и гораздо большие числа...

В марте 1953 года, в день похорон И.В. Сталина, пряников не раздавали. На сей раз мотивом смертоносной давки послужило страстное стремление лицезреть скончавшегося кумира. Но сценарий развития событий и их результат оказались столь же плачевны...

Еще один характерный сценарий иллюстрирует эпизод, описанный американскими психологами. В 20-х годах XX века в парке небольшого города было обнаружено тело четырнадцатилетней белой девочки, перед смертью зверски изнасилованной. Слух о страшной находке быстро распространился по городу, и в парке стала собираться толпа. Первоначальное любопытство переходило в возмущение, а строившиеся догадки переросли в новый слух: «Негры!». Стихийно возникшая манифестация двинулась к зданию мэрии под аккомпанемент расистских лозунгов и требований к городским властям. По дороге встретились два молодых негра, и манифестанты стали грубо их оскорблять. Один из парней посмел огрызнуться – и экспрессивная толпа быстро превратилась в агрессивную: произошел суд Линча.

На следующий день выяснилось, что девочку убили белые преступники, бежавшие из тюрьмы. Наверное, кому-то из участников самосуда стало стыдно, но это уже другая история...

А на рисунке датского карикатуриста Х. Бидструпа (см. с.

30) с юмором показано, как экстагическая толпа фанаток с прекращением ритмического музыкального сопровождения превращается в стязательную.

Я привел несколько из бесчетного множества примеров того, как превращения толпы происходят спонтанно, без чьего-либо предварительного умысла. Но здесь стоит повторить: на свойстве превращаемости построены приемы управления и манипуляции поведением толпы.

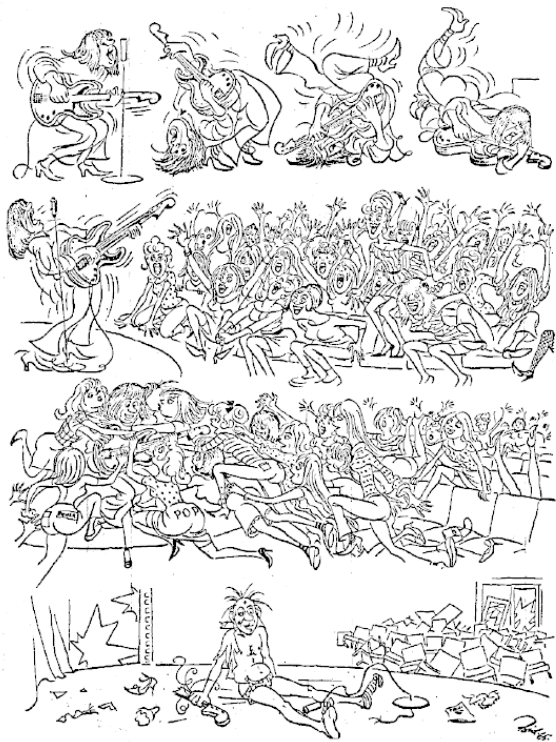

Рисунок Х. Бидструна «Успех».

Приемы управления и манипуляции

Известны приемы управляющего воздействия извне и изнутри. Чтобы в них разобраться, полезно обратить внимание на еще один специфический феномен, который называют *географией толпы*.

Ранее отмечалось, что толпа как таковая не обладает позиционно-ролевой структурой и что в процессе эмоционального кружения она гомогенизируется. Вместе с тем в толпе часто образуется свой параметр неоднородности, связанный с неравномерной интенсивностью циркулярной реакции. География толпы (особенно отчетливо фиксируемая при аэрофотосъемке) определяется различием между более плотным *ядром* и разреженной *периферией*. В ядре аккумулируется эффект эмоционального кружения, и оказавшийся там сильнее испытывает его влияние.

Например, типичная картина массовых погромов такова. Непосредственными насильниками и убийцами оказывается сравнительно небольшая часть индивидов, составлявших толпу. Другие их активно поддерживают (поощрительными выкриками, улюлюканьем и т. д.), еще больше людей поддерживают пассивно, а на самой периферии – досужие зеваки; там уже обнаруживаются, скорее, свойства окказиональной толпы. Но вся эта масса придает ядру силу мотивации, дополненную ощущением анонимности и безнаказанности...

Поэтому психологическое воздействие на толпу извне мы обычно рекомендуем нацеливать на периферию, внимание которой легче переключается. Для воздействия же изнутри агентам следует проникнуть в ядро, где гипертрофированы внушаемость и реактивность.

Чтобы конкретные примеры были понятнее, сразу сделаю существенную оговорку. Стихийное массовое поведение обычно сопряжено с серьезными неприятностями, и в ряде случаев приходится выбирать «меньшее из зол». Какое же именно из зол считать меньшим – это, конечно, зависит от системы ценностей, политических целей и моральных качеств той группы, которая осуществляет управление.

Само собой разумеется, что цели могут быть деструктивными, а последующая оценка действий в решающей мере определяется идеологическими установками. Сколько лет нам доказывали, что погромы усадеб, разрушение церквей, убийство попов, а затем и кулаков-мироедов, грабеж имущества (В.И. Ленин: «Грабь награбленное») – все это суть пробуждение революционного правосознания угнетенных классов. А с другой стороны, кто знает, сколько бы еще продержалось крепостное право в России, если бы в 50-х годах XIX века по стране не загуляли крестьянские бунты с «красными петухами» (поджогами дворянских домов) и прочими безобразиями...

Далее мы, конечно, не сможем полностью отказаться от оценочных суждений, но главным образом внимание будет

сконцентрировано на технологиях. Начну с приемов управления толпой изнутри.

Так, два-три агента, проникнув в ядро агрессивной (или готовой превратиться в агрессивную) толпы, имитируют испуг и распускают слухи: «Они идут! У них оружие!». Рекомендуется также по возможности сочетать это со звуками похожими на выстрелы за углом. Под влиянием таких стимулов вместо массовой агрессии возникает массовая паника, что в конкретных случаях все-таки «менее плохо».

Еще один вариант: внимание агрессивной толпы переносится на иной объект. В таком случае либо жертвой насилия становится не тот, на кого ярость была первоначально направлена (один из самых подлых приемов политики вообще и манипуляции толпой в частности; хотя иногда жертвой может стать сам провокатор насилия), либо толпа из агрессивной превращается в стяжательную, что, с точки зрения социальных последствий, опять-таки «менее плохо».

В романе А.Н. Толстого «Хождение по мукам» есть такой эпизод. Командир боевого отряда по фамилии Сорокин вызвал яростное возмущение бойцов своими сомнительными действиями. Оказавшись перед агрессивно настроенной толпой подчиненных и будучи не в силах бежать или защищаться, он мгновенно сориентировался в ситуации, выбрал в толпе самое злобное лицо, указал на него пальцем и громко закричал: «Вот враг!» – и толпа набросилась на другую жертву. Сам Сорокин из объекта агрессии превратился

в лидера агрессивной толпы...

А в 70-е годы в странах «Третьего мира» несколько раз использовался такой ход. Агрессивная толпа, возбужденная деятелями правого (фашистского, националистического или клерикального) толка, направлялась громить левые организации и избивать их членов, продавшихся русскому большевизму (мировому сионизму и т. д.). Когда на пути следования толпы попадался роскошный супермаркет или богатый особняк, проникшие в ядро агенты левой партии с криками: «Вон он! Там они!» – бросались туда. За ними следовали остальные, и, оказавшись перед незащищенными богатствами, люди принимались за грабеж. Разумеется, потерпевшие хозяева не вызывали жалости у левых, поскольку это были «буржуи-эксплуататоры», к тому же часто сочувствовавшие погромщикам, а то и участвовавшие в возбуждении массы для реализации своих политических задач. Но и отвергнув такую мотивировку, мы должны признать, что разграбленные магазины и особняки – все же «меньшее зло» по сравнению с избитыми и убитыми людьми..

А вот яркий пример из нашей недавней истории. 21 августа 1991 года стало окончательно ясно, что бездарно организованный путч ГКЧП провалился и с ним кончилось 74-летнее господство КПСС. После трех дней напряженного ожидания и переживаний наступила безоговорочная победа стихийно вышедших на улицы граждан над внешне грозной, но духовно уже

опустошенной властью.

Но эйфория успеха, усиливаясь по механизму циркулярной реакции, придавала массе все более выраженные свойства толпы. Толпа же, наполняясь новыми элементами и пьянея от неожиданного могущества, вождедела новых зримых побед; кое-где уже начала ощущаться жажда крови. На площади Дзержинского (нынешняя Лубянка) сосредоточились тысячи людей, среди которых усиливались призывы к штурму мрачного и ненавистного здания КГБ. Если бы такие призывы воплотились в действие, следовало ожидать очень тяжелых последствий и человеческих жертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.